

АЛЕКСАНДР ФИЛОНЕНКО

**ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ ШКОДА.
РАСШИРЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА
ДРУЖЕЛЮБИЯ**

**(23 АВГУСТА 1937 ГОДА —
4 АПРЕЛЯ 2013 ГОДА)**

Конечно, друзья его звали Шкода или ВВ. На его доме на площади Поэзии красовалась вывеска фирменного магазина «Шкода». Потом у него появился автомобиль, на котором он мечтал объехать всю Украину после Оранжевой революции. Не объехал. В апреле 2013 года он ушел, а свет остался. Осталось и то место, культивированию которого он служил, — пространство дружелюбия. Из него даже смерть не уводит.

Владимир Васильевич родился в 1937 году на территории Украины, а именно в Абхазии, в Гаграх, в правительственном санатории «Украина». Эта райская земля между морем и горами действительно принадлежала той республике, с которой свяжется вся его жизнь. Однажды академик Кирилл Дмитриевич Синельников пригласил мальчика, читавшего на пляже книжки по физике из санаторской библиотеки, поступать на «факультет строения материи» в Харьковский университет. Им же был куплен билет на послевоенный американский самолет. Ядерное отделение на физико-математическом факультете появилось позже. Потом в 1963 году появился физико-технический факультет, с которым и связана слава Шкоды.

Главной страстью его детства были одинокие прогулки в горах. Однажды он сбежал из дома, чтобы навсегда поселиться там, на при-

роде. Он пошел попрощаться с мамой, расплакался от того, что видел ее последний раз, никак не мог объяснить ей нахлынувших слез и написал прощальную записку. Ему не было тогда и десяти лет. О том, что горы сильнее слез и всю жизнь не отпускают, он рассказывал как о самом важном опыте детства. В юности он увидел возле школы комсомольское приглашение на освоение целины, снова написал маме прощальную записку и на крыше поезда в белых брюках отправился в Москву. На целину его не взяли, возвращение домой тоже было на крыше. Единственным документом был комсомольский билет с аккуратно выплаченными взносами. Сон у кремлевской стены и ночи в столичных троллейбусах, запись в личном деле об «участии в антисоветской демонстрации» в последнем классе школы, мечты о ядерной физике на гагском пляже и случайная встреча с Синельниковым — первые знаки той *неслыханной* свободы, которая будет узнаваться во всех его «трудах и днях»: в учебе, а потом в философствовании на физтехе, в преподавании американской философии науки на лекциях по диалектическому материализму, в создании украинской либеральной партии и в осваивании неизвестной земли философии права и социологии, в игре в теннис и в изучении садоводства и огородничества, в отважных лекциях по библеистике. Чем бы он ни занимался — звучала праздничная музыка свободы.

Он был писателем в стране, где писать было непросто. Поэтому он пятнадцать лет ежедневно вел дневник, пока не рухнул СССР. Десятки общих тетрадей. А потом — подвел итог: «Если позволить себе пафос, то мне интересна не философия, а жизнь. Мне хочется разбираться в ней, а без писания это не выходит». Из этого умного жизнелюбия родились статьи, книги, учебники, но, прежде всего, новая философская эссеистика. И все-таки, каждый, кто любит Владимира Васильевича, подтвердит, что он узнается в словах Оскара Уайльда: «Хотите знать, в чем заключается величайшая драма моей жизни? Я вложил свой гений в свою жизнь, и всего лишь свой талант — в свои книги».

Поколения физиков становились его личными друзьями, знакомясь со «Структурой научных революций» Томаса Куна, потом добавилась огненная книга — «Против методологического принуждения» Пола Фейерабенда. Он всем раздаривал великих собеседников: Карла Поппера, Фридриха фон Хайека, Конрада Лоренца, с которыми глухонемая советская жизнь обретала глубину, и происходило это прямо во время лекций по диалектической логике и марксизму-ленинизму, а позже, в либеральные времена, — на семинарах медленного чтения Гоголя, Набокова, Бердяева, Соловьева. И всегда — непременно вчитывание в Пятикнижие и в Книгу Иова. Так он расширял простран-

ство свободы, распевая «неаполитанскую песню на неаполитанском языке». У него была своя Утопия в центре советского идеологического циклона: «сообщество презирающих власть, исповедующих многообразие свободно избранных стилей жизни, бескорыстных, неприязнательных, доверчивых, верных слову, и в одном непоколебимых — в том, что нет ничего для человека важнее, нежели *свободные занятия и дружеские беседы*».

Он любил иронические самоописания. На одной из его книг — эпитафия из Ницше: «...жить в стороне, с небольшими знаниями, с немногими мыслями и с очень большим мнением о самом себе». А в одной из заметок на Фейсбуке: «Деликатный вопрос — писать о самом себе. Наверняка появится желание прихвастнуть, показать себя, свои достоинства и достижения. А самокритика? А саморазоблачение? Меня подмывает рассказать о себе как о человеке, не получившем толкового систематического образования. Физик, философ, социолог. А, честно говоря, — эти дисциплины, именно дисциплины, я не освоил. В голове причудливая смесь, в которой по преимуществу присутствует отсебятина, а не системное знание. А между тем мне это нравится, как принято писать на Фейсбук». Кстати, на конкурсе святых покровителей Фейсбука его имя непременно вошло бы в шорт-лист: он встретил это изобретение как один из величайших подарков судьбы и был готов к любой волне иронии по поводу его сетевых зависимостей. Этой сетью он ловил друзей.

Свобода была его настроением, радостью и тайной. Она его вывела на простор веры: «Полагаю, что главное различие между религией и наукой в том, что наука не признает Тайну как фундаментальную категорию бытия. Эта категория, вообще, не рассматривается никем всерьез. Не как что-то до времени неизвестное, а как принципиальная непостижимость. Нечто такое, перед чем человеку остается только пребывать в священном трепете. И тайна не только в Боге, но и в самой жизни. Если повседневная жизнь во всей своей полноте переживается человеком как тайна, можно утверждать, что этот человек приблизился к Богу, принял религию как фундамент жизни». Это тоже из фейсбучных записей. Осваивая стихию социальных сетей с поистине шкодовским размахом как инструмент возделывания цивилизации дружбы, он время от времени отвечал на вопрос Фейсбука: О чем он именно сейчас думает? И все громче и требовательнее звучала его сокровеннейшая тема, тема *дружелюбия*: «Думаю о дружбе и любви. Из собственного опыта вынес: среди всех человеческих отношений любовь — самое опасное. Недавно это подтвердил французский драматург Жан Ануй: «Тот, кто говорит, что был счастлив в

Слева направо: кот Митя, В.В. Шкода

любви, не имеет о ней никакого понятия». О дружбе же, со времен Платона, философы говорят как о самом чистом межличностном отношении».

«Соблазняет все-таки это предложение — написать, о чем я думаю. Даже если чувствуешь опасность признаться в том, что думаешь о ерунде. Рискну, а что делать. Думаю о плюрализме, толерантности, дружелюбии и всем прочем, ради утверждения чего задуман, по моему, Фейсбук. Вот, минуто назад придумалось следующее: “смысл жизни в том, чтобы минимизировать неизбежные неудобства, доставляемые другим людям твоим присутствием в мире”».

«Думаю о дружбе, о дружелюбии. Ношусь сам в себе с утопией, проектом под названием “Общество дружелюбия”. И началось это в день, когда я впервые вышел на Фейсбук. Ибо показалось, и сейчас кажется, что эта сеть задумана была как вариант общества дружелюбия. Дружба, на мой взгляд, это — общение, в котором человек выражает другому человеку почтение, расположенность, если хотите, восхваление. То, что в известном контексте называют словом “славить”.

В общении смысл дружбы, но в нем и гибель дружбы. Когда слово или действие истолковывается как сознательное нанесение обиды. А так ли это? Ответить на этот вопрос, опять-таки, в общении, значит спасти дружбу».

Когда-то, в 1993 году, когда философское сообщество было поражено эпидемией дискуссий о том, что такое постмодернизм, я встретил Владимира Васильевича в одном из университетских коридоров, и задал ему этот «актуальный» вопрос. Он улыбнулся и сказал, что хоть он и не разобрался в хитросплетениях и контекстах этого спорного понятия, но уже несколько лет, от случая к случаю, один его пожизненный друг и оппонент, знаток современной философии, марксист и эрудит повторяет: «Шкода и есть постмодернист». Тогда это казалось опасным комплиментом: во времена застегнутых партийных костюмов и галстуков — его борода «постоянного ношения» в память о шестьдесят восьмом, ослепительно красный шарф и никаких галстуков, Достоевский и Кун, Гоголь и Фейерабенд среди нео- и постмарксистских аргументов его собеседников. И все-таки постмодернистом он не был. Один священник сказал ему после обсуждения библейских текстов: «Владимир, ты недалек», увидев его близость к тайне веры во времена «религиозной немзыкальности». Его страстью была коммуникативная теория науки, спасавшая от жесточайших идеологем внутри циклона марксистско-ленинского образования, лейтмотивом его мысли была любовь к многообразию, сделавшая его своим среди социологов и приведшая к философии права, его музыкальной темой — дружелюбие и желание приветствовать каждого человека, встреченного на улице. Во времена нарастающей глухоты он всегда умел начать разговор. Койнония была его призванием.

Дорогой Владимир Васильевич, спасибо за свет.